

удк 37/013 (09) (470.4/5)

М. В. Попов, И. Л. Бахтина, М. В. Суворов

Екатеринбург

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЕ КАДРЫ СЕЛЬСКИХ НАЧАЛЬНЫХ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ НА УРАЛЕ В 1920-Х ГОДАХ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учителя; ликвидация неграмотности; начальный всеобуч; начальные школы; реформа образования; государственная политика.

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются проблемы состояния и подготовки преподавательских кадров сельских начальных школ в 1920-х гг. на Урале. Анализируется материальное и правовое положение деревенских просвещенцев в условиях подготовки к введению начального всеобуча.

M. V. Popov, I. L. Bakhtina, M. V. Suvorov

Yekaterinburg

**TEACHING STAFF OF VILLAGE PRIMARY
COMPREHENSIVE SCHOOLS IN THE URALS IN 1920S**

KEY WORDS: teacher; elimination of illiteracy; comprehensive school; primary school; grade school; educational reform; state policy; primary total education.

ABSTRACT. Examination of problems of conditions and preparation of teaching staff of the village primary school in the Urals in 1920s. Analysis of economic and legal state of village in enlightenment conditions of preparation to introduction of the primary total education

В условиях реформирования образовательной системы на современном этапе большое значение имеет изучение исторического опыта проведения школьных реформ, в том числе опыт культурных преобразований на селе. Для сельской школы особую роль играло решение проблемы учительских

кадров. Интерес представляет история сельского учительства в 1920-е гг., когда основной задачей ставилось введение обязательного начального всеобуча и ликвидация неграмотности взрослого населения, в первую очередь в деревне. Решение этих задач напрямую зависело от состояния кадрового состава образо-

вательных учреждений. Эта проблема привлекала внимание региональных, в том числе уральских исследователей. Специально истории уральского учительства посвящены работы М. В. Суворова [28], в определенной степени они затрагиваются в монографии М. В. Попова, Э. Е. Протасовой, И. Л. Бахтиной, Т. Г. Мосуновой [27].

Основными задачами данной статьи являются: изучение динамики качественного и количественного состава преподавателей сельских начальных школ на Урале, путей повышения общеобразовательного и профессионального уровня деревенских просвещенцев, их материально-правового положения.

Исследование ведется в территориальных рамках существовавшей в этот период Уральской области. В современных границах это Свердловская, Пермская, Челябинская, Курганская области и частично территории Башкирской и Удмуртской республик.

Препятствием для введения начального всеобщего в уральской деревне в 1920-х гг. был недостаток и низкий уровень подготовки учительских кадров на селе. В значительной степени сохранение учительского корпуса произошло в годы Гражданской войны. Так в Пермской губернии (речь идет в данном случае о территории административного образования дореволюционного периода) до занятия ее колчаковцами в начальных школах работало 3747 учителей, а к моменту освобождения 2787 педагогов [25].

В голодные 1921–1922-е гг. положение с учительскими кадрами в регионе еще более осложнилось. С 1920/21 по 1922/23 уч. гг. на территории, вошедшей позднее в Уральскую область, количество учителей I ступени сократилось более чем на 40% [29. С. 16]. Лишь в 1923 г. количество педагогов в сельских школах на Урале начало расти. В 1923/24 уч. г. в Уральской области в деревне в школах I

ступени работало 5 515 учителей (всего на селе — 5 845 учителей [11]).

Однако уровень общеобразовательной и специальной подготовки учителей начальных школ в середине 1920-х гг. оставался низким. В 1924/25 уч. г. среди педагогов школ I ступени в Уральской области 0,5% имели высшее образование, 43,3% — общее среднее, 14,8% — среднее педагогическое, 31,5% — низшее [29. С. 16]. Еще более низким был уровень образования сельского учительства. В этом же году в Челябинском округе Уральской области, например, начальное образование имели более 64% учителей [29. С. 16].

Низкий уровень общеобразовательной и специальной подготовки учителя на Урале объясняется отнюдь не «наследием дореволюционного прошлого». Материалы архивов позволяют нам говорить, что к началу 1920-х гг. около трети учителей всех типов школ составляли люди, получившие образование до революции [11]. Однако в этот период на Урале сеть специальных педагогических учебных заведений еще только складывается.

К 1927 г. педагогическую подготовку в Уральской области осуществляли: педагогический факультет Пермского университета с 469 студентами, 17 техникумов с 2789 учащимися; учителей начальных классов также готовили старшие классы 22 школ II ступени. Однако многие техникумы только приступили к работе и к концу исследуемого периода подготовили лишь первые выпуски специалистов. Значительным был отсев студентов вследствие их слабой материальной обеспеченности. Кроме того, практика показывала, что далеко не все выпускники педагогических учебных заведений впоследствии работали по специальности [26. С. 26].

Школьная перепись 1927 г. показывает, что преподаватели сельских начальных школ в Уральской области имели

низкий уровень общего и специального педагогического образования. Согласно школьной переписи, в 1927 г. здесь трудились 8 129 учителей деревенских начальных учебных заведений. Из учителей сельских школ I ступени высшее и незаконченное высшее образование имели 1,3% работников, среднее — 59,6%, специальную педагогическую подготовку в деревне имели 23% учителей начальной школы [15]. При этом даже в конце 1920-х гг. в деревенских начальных школах 28,6% преподавателей составляли учителя, получившие образование до революции [15].

В этих условиях для повышения уровня педагогических знаний учителей сельских школ большое значение имело проведение органами народного образования летних курсов переподготовки. В Уральской области такие месячные курсы начиная с лета 1923 г. стали проводиться в округах. В районах же для повышения квалификации сельских просвещенцев проводились учительские конференции. Например, в Ирбитском округе в течение лета 147 работников просвещения прошли переподготовку на окружных месячных курсах; 269 участвовали в девяти районных конференциях со средней продолжительностью 5—6 дней с середины июня по октябрь. В некоторых районах конференции приняли характер длительных курсов (Знаменском, Байкаловском). Основные вопросы, обсуждавшиеся на конференциях и курсах: комплексный метод и программы ГУСа; детское и юношеское коммунистическое движение и организация детской среды; политпросветработа школы и учителя; методы обучения грамоте и др. Места на курсах предоставлялись в первую очередь сельскому учительству начальных школ [5].

Во второй половине 1920-х гг. органами народного образования стала создаваться система курсовой подготовки специально для деревенских просвещен-

цев. Как результат, на Урале к 1928 году всеми формами курсовой переподготовки было охвачено 72,2% учителей начальных сельских школ [29. С. 18]. Таким образом, в 1920-х гг. курсовая переподготовка сыграла значительную роль в повышении общеобразовательного и профессионального уровня деревенских школьных работников.

Мероприятия органов народного образования по укомплектованию начальных сельских школ преподавательскими кадрами осложнялись низким уровнем заработной платы учителей, несвоевременной ее выдачей. В период голода 1921—1922 гг. заработная плата учителей в деревне выдавалась за счет средств, полученных от самообложения крестьян в виде продуктового пайка, размеры которого были различными в зависимости от уровня благосостояния районов [2]. Например, в ноябре 1921 г. в Надеждинском уезде Екатеринбургской губернии сельские педагоги имели право на получение 35 фунтов зерна. Меньше получали только сторожа и поломойки [3].

В 1924 г. в стране была проведена тарифная реформа. Одной из ее целей было поднять размер оплаты труда работников просвещения до уровня заработной платы промышленных рабочих. Согласно циркуляру Уралом от 6 июня 1924 г., заработная плата высококвалифицированного учителя начальной школы в области могла достигать 40 р. [4].

Однако, в действительности, на Урале оплата труда сельских педагогов была значительно ниже. По сведениям профсоюза работников просвещения в 1924 г. заработная плата школьных работников, находившихся на окружных местных бюджетах, составляла в среднем 20 р. 08 к., а в сельскохозяйственных округах Уральской области 14—17 р. [19]. В то время как зарплата промышленных рабочих Урала в первом полугодии 1924 г. составляла от 28 до 33 р. [24].

Еще ниже была ставка учителей школ I ступени, находившихся на содержании районных бюджетов. Так, в Ирбитском округе в 1924 г. она составляла 13 р. 81 к. По материалам обследования Ирбитского отделения союза рабпрос месячный бюджет семейного сельского просвещенца в расходной части составил 40 р. Таким образом, месячный дефицит был равен 26 руб. и компенсировался доходами от занятий сельским хозяйством, что несомненно отражалось на качестве выполнения основной учительской работы [6].

Наличие собственного хозяйства, как источника доходов, является типичным фактом, характеризующим жизнь сельского просвещенца на Урале в 1920-х гг. В путевых дневниках инспекторов отделов народного образования часто содержится следующая информация об учителях инспектируемых школ: «... один учитель приезжий, другой местный. Имеет свой дом, лошадь, корову, пять десятин земли — середняк» [7].

П. В. Гришанов, говоря о материальном положении сельского учительства, утверждает, что в 1925 г. зарплата педагогов составила 55 р., а в 1928/29 уч. г. должна была достигнуть 60 р. [26. С. 111]. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что в Уральской области труд учителей в середине 1920-х гг. в сельских школах I ступени оплачивался значительно ниже: в Верхнекамском округе зарплата учителей была лишь 33 р. [5], в Челябинском — 28 р. В среднем оплата труда сельских учителей в Уральской области составляла 32 р. в месяц [17. С. 74].

Еще одним типичным фактом, имевшим место в рассматриваемый период, были систематические задержки выплаты учителям заработанных денег. В докладе Уралобкома ВКП (б) на VI областном съезде профсоюза работников просвещения говорилось, что «...случаи нарушения правового положения просве-

щенцев имеют место как то: в ряде округов и районов области систематическая задержка в выдаче зарплаты» [21]. В постановлении президиума Уралоблсполкома от 30 июля 1930 г. отмечалось, что в Сарапульском округе учителя с 1922 г. не получали заработную плату вовремя» [22].

Тяжелое материальное положение сельских учителей, а также недостаток грамотных работников во всех сферах экономической и общественной жизни, в первую очередь в деревне, обуславливали значительную текучесть учительских кадров в 1920-х гг. В конце исследуемого периода, по данным докладной записки Уралобно, около половины учителей всех типов школ имели педагогический стаж, не превышающий трех лет [8].

В то время огромное значение имела деятельность сельских просвещенцев по обучению взрослого населения. Большую часть преподавателей школ грамоты для взрослых в этот период составляли работавшие по совместительству учителя общеобразовательных школ. В 1921 г., например, в Екатеринбургской губернии 76% ликвидаторов неграмотности были школьные учителя [1], в 1927/28 уч. г. среди преподавателей ликпунктов и школ малограмотных Уральской области учителей было 60% [12]. Сезонность работы сельского ликпункта и низкая зарплата не позволяли многим работникам просвещения заниматься исключительно работой по ликбезу.

В то же время широкое выделение средств «мобилизации» грамотного населения позволяли привлекать к обучению взрослых не только учителей, но и других представителей сельской интеллигенции: агрономов, врачей, библиотекарей и т. д. Для тех, кто не имел навыков преподавательской работы, организовывались курсы «красных просвещенцев». Например, в Екатеринбургской губернии в первой половине 1921 г. из 96 таких преподавателей 47 человек про-

шли подготовку на краткосрочных курсах [1]. У большинства штатных ликвидаторов неграмотности была низкая общеобразовательная подготовка. В 1926 г. в Верхне-Камском округе Уральской области 58% работников ликбеза имели низшее образование, в Ирбитском округе 44% учителей школ для взрослых имели такой же низкий общеобразовательный уровень [24]. Стремясь улучшить качество обучения в школах грамоты для взрослых, органы народного образования во второй половине 1920-х гг. увеличили продолжительность учебы на сельских ликпунктах до полугодия вместо трех месяцев в начале исследуемого периода. В 1927/28 уч. г. была введена сдельная оплата труда на ликпункте из расчета 1 руб. 70 коп. за каждого обученного [13]. Эта мера преследовала цель заинтересовать учителей в обучении максимального количества неграмотных, однако на деле вышло иначе. В деревнях зачастую в группы ликбеза записывалось не более десятка человек. В результате обучающий получал мизерную оплату и отказывался от работы на ликпункте.

Таким образом, опыт показал, что простым расширением финансирования проблемы ликвидации неграмотности крестьянства решить невозможно. Кроме того, в связи с началом форсированной индустриализации средств на культуру выделялось недостаточно. Чтобы осуществить широкое наступление на безграмотность необходимо было осуществить комплекс мер, одной из которых являлось привлечение для преподавательской работы на ликпунктах на общественных началах широких слоев грамотного населения.

В определенной степени решать эти задачи позволил начавшийся в сентябре 1928 г. культурный поход. По инициативе комсомольских органов молодежь развернула широкую кампанию «за культуру», велась пропаганда грамотности,

образования вообще, культуры в широких слоях населения. Под влиянием широкого общественного мнения многие работники просвещения, учителя и просто грамотные люди на общественных началах, бесплатно стали обучать неграмотных. Большое значение для ликвидации неграмотности в деревне имела агитационно-разъяснительная работа среди крестьянства о необходимости посещать школы грамоты.

На Урале культпоход начался с некоторым запозданием: в сельских районах Уральской области это движение развернулось лишь с середины ноября 1928 г. 21 декабря 1928 г. в газете «Серп и молот», издававшейся в Ишимском округе, была помещена статья известного ликвидатора А. Колюхова, который обратился со страниц газеты ко всем грамотным с призывом принять активное участие в культпоходе [17].

Культпоход позволил значительно увеличить охват обучением взрослого неграмотного населения: в Уральской области количество обучающихся в 1928/29 уч. г. увеличилось почти в два раза по сравнению с предшествующим периодом. Однако в этом году культпоход еще слабо охватил сельскую местность. Об этом с тревогой говорил заведующий Уральским областным отделом народного образования И. А. Перель на областном партийном совещании в апреле 1929 г. [25]. Последующие успехи в деле ликвидации неграмотности, связанные с широким привлечением ответственности к обучению взрослого населения, в том числе в деревне, относятся уже к следующему этапу в культурных преобразованиях и во многом объясняются начавшейся в стране массовой коллективизацией.

Таким образом, в конце двадцатых годов учителей, имеющих достаточный уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки на Урале не хватало. Не являлся учительский труд при-

влекательным и в силу низкой его оплаты. В результате, например, в Уральской области в 1927/28 уч. г. дефицит учительских кадров составлял 239 человек, а в 1928/29 уч. г. — 200 преподавателей. Естественно, что страдали в первую очередь сельские школы. Например, средняя нагрузка (т. е. количество обучаемых) учителей Еланского района Ирбитского округа составляла 50 учеников [10].

Такое положение с учительскими кадрами было также одной из причин того, что в конце 1920-х гг. большое ко-

личество детей 8—11 лет на Урале не посещало школу. В 1928/29 уч. г. 33% мальчиков и девочек этого возраста в Уральской области не были охвачены обучением [14. С. 6].

Однако начавшаяся ускоренная модернизация, введение начального всеобщего обучения в 1930-х гг. требовали изменения направлений и форм решения проблемы преподавательских кадров, в первую очередь на селе. Ситуация здесь менялась и в связи с намечавшейся массовой коллективизацией.

И С Т О Ч Н И К И

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). — Ф. 2313. — Оп. 1. — Д. 157. — Л. 141.
2. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 9;
3. ГАСО. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 140.
4. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 193, 214.
5. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 96. — Л. 1.
6. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 96. — Л. 25.
7. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 126. — Л. 23.
8. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 1825. — Л. 327.
9. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 293. — Л. 1.
10. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 990. — Л. 78.
11. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 6.
12. ГАСО. — Ф. 88. — Оп. 1. — Д. 1412. — Л. 35.
13. ГАСО. — Ф. 88. — Оп. 1. — Д. 1415. — Л. 36.
14. Просвещение на Урале. — 1929. — №2.
15. Просвещение на Урале : стат. сб. — Свердловск, 1930. Сер. 6. — Т. 8.
16. Серп и молот. — 1928. — 21 дек.
17. Уральское хозяйство в цифрах. 1930г. — Свердловск, 1930. — Вып. V.
18. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 14. — Л. 253.
19. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 316. — Л. 77—78.
20. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 316. С. 79.
21. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 6. — Д. 423. — Л. 3.
22. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 6Д. 421. — Л. 25.
23. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 7. — Д. 395. — Л. 23—24.
24. ЦДООСО. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 556. — Л. 79.

С П И С О К Л И Т Е Р А Т У Р Ы

25. ГРИШАНОВ, П. В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1937 гг.) / П. В. Гришанов. — Саратов, 1983.

26. ПОПОВ, М. В. Государство и начальное образование в уральской деревне 1920 — 1941 гг. / М. В. Попов, Э. Е. Протасова, И. Л. Бахтина, Т. Г. Мосунова / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
27. СУВОРОВ, М. В. Профессиональная и общественная деятельность уральских учителей в первой половине 1920-х гг. / М. В. Суворов // Проблемы социально-экономического и гуманитарного развития Урала: сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 4.
28. УРАЛЬСКИЙ государственный педагогический университет. Очерки истории / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

Получено 03.04.10

© Попов М. В., Бахтина И. Л., Суворов М. В., 2010